

Николай Добролюбов

Из «Свистка»

Николай Добролюбов

Из «Свистка»

«Public Domain»

1861

Добролюбов Н. А.

Из «Свистка» / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1861

Созданный по инициативе Некрасова, «Свисток» был поистине детищем Добролюбова. Большинство материалов, помещенных здесь при жизни критика, принадлежало ему, в том числе почти все наиболее социально значительные и острые выступления. «Свисток» обнаружил новые грани яркого писательского дарования Добролюбова, который предстал здесь выдающимся мастером революционной сатиры, с блеском владевшим различными сатирическими жанрами – стихотворной пародии и перепева, фельетона, памфлета. Вместе с тем это было – в иных формах и частично на другом материале – продолжение, закрепление и развитие тех же идей и оценок, которые несла в себе добролюбовская критика. Уже одно это поразительное единство критики, публицистики и поэзии делают творчество Добролюбова уникальным явлением в истории русской литературы.

© Добролюбов Н. А., 1861

© Public Domain, 1861

Содержание

№ 1		5
	Вступление	5
	Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»	7
	2	7
	4	8
№ 2		10
	Краткое объяснение	10
	Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»	11
	Четыре времени года { 15 }	12
	1	12
	2	12
	Наш демон (Будущее стихотворение)	13
	Письмо из провинции	17
	Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Александрович Добролюбов

Из «Свистка»

№ 1

Вступление

Различные бывают свисты: свистит аквилон (северный ветер), проносясь по полям и дубравам; свистит соловей, сидя на ветке и любуясь красотами творения; свистит хлыстик, когда им сильно взмахиваешь по воздуху; свистит благонравный юноша в знак сердечного удовольствия; свистит городской на улице, когда того требует общественное благо... Спешим предупредить читателей, что мы из всех многообразных родов свиста имеем преимущественную претензию только на два: юношеский и соловьиный. Свист аквилона, конечно, имеет свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубом взвывая прах летучий⁽¹⁾, сей ветер своим свистом приводит душу в трепет и благоговение. Но монополия аквилонного свиста давно уже приобретена г. Байбородою, которого изобличительные письма, говорят, вырывают дубы с корнями⁽²⁾. Мы не чувствуем в себе столь великих сил, и наши стремления гораздо умереннее. Свист хлыста и бича тоже недурен; но он как-то мало ласкает наш слух, мы не хотим брать на него привилегию, брошенную недавно самим князем Черкасским, который пожелал было приобрести ее на неопределенное время для себя и своего потомства⁽³⁾. Приятнее звучит для нас свист городского; но мы, по природной застенчивости, считаем себя не вправе предъявлять претензию на то, для чего уже существует установленная городская власть. Совершенно другое дело – свист благонравного юноши, почтительный, умеренный и означающий кроткое расположение духа, хотя в то же время несколько игривый. На такой свист мы имеем полное право, потому что, во-первых, мы благонравны; во-вторых, если мы и не юноши, то кому какое дело до наших лет? и в-третьих, мы всегда находимся в отличнейшем расположении духа. Свист соловья также нам очень приличен, ибо хотя мы, в сущности, и не соловьи, но красотами творения любим наслаждаться. Притом же соловей в истинном своем значении есть не что иное, как подобие поэта, так как давно уже сказано:

Соловей, как Щербина, поет.

А у нас в натуре весьма много поэтических элементов, вследствие чего мы и видим весь мир в розовом свете. Итак – читателю да будет известно, что мы свистим не по злобе или негодованию, не для хулы или осмеяния, а единственно от избытка чувств; от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольства всем на свете. Наш свист есть соловьиная трель радости, любви и тихого восторга, юношеская песнь мира, спокойствия и светлого наслаждения всем прекрасным и возвышенным.

Итак – наша задача состоит в том, чтобы отвечать кротким и умиленным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в литературе. Преимущественно литература занимает

⁽¹⁾ Реминисценция из поэмы Пушкина «Кавказский пленник»: «В степи взвивался прах летучий...»

⁽²⁾ Псевдонимом «Байборода» пользовались М. Н. Катков, П. М. Леонтьев и Ф. М. Дмитриев, в 1856–1858 гг. печатавшие в «Русском вестнике» полемические «Изобличительные письма» в либеральном духе. Иронически использовала реминисценция из стихотворения Пушкина «Аквилон» («Но ты поднялся, ты выиграл... И дуб низвергнул величавый»).

⁽³⁾ См. примеч. 6 и 8 к статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (наст. т., с. 678–679).

и будет занимать нас, так как ее современные деятели представляют в своих произведениях неисчерпаемое море прекрасного и благородного. Они водворяют, так сказать, вечную весну в нашей читающей публике, и мы можем безопасно, сидя на ветке общественных вопросов, наслаждаться красотами их творений...

И первый, благодарный свист наш да раздастся в честь поэтов, прославляющих ныне русскую землю. То свищет недавно прославленный, исполненный благородства поэт Конрад Лилиеншвагер^[4].

^[4] Этой сатирической маской Добролюбов воспользовался впервые еще до появления «Свистка», в критическом фельетоне «Стихотворения Михаила Розенгейма» (*Совр.* 1859, № 11; см. т. 1 наст. изд.; о происхождении псевдонима см. примеч. к этой статье – там же, с. 849).

Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»

2

Всегда и везде

(Посвящается гг. Надимову, Волкову, Фролову, Фолянскому и подобным)^[5]

Я видел муху в паутине —
Паук несчастную сосал;
И вспомнил я о господине,
Который с бедных взятки брал.

Я видел червя на малине —
Обвил он ягоду кругом;
И вспомнил я о господине,
На взятки выстроившем дом.

Я видел ручеек в долине —
Виясь коварно, он журчал;
И вспомнил я о господине,
Который криво суд свершал.

Я видел деву на картине —
Совсем нага она была;
И вспомнил я о господине,
Что обирал истцов дотла.

Я видел даму в кринолине —
Ей ветер платье поддувал;
И вспомнил я о господине,
Что подсудимых надувал.

Я видел Фридберг в «Катарине»^[6] —
Дивился я ее ногам;
И вспоминал о господине,
Дающем ложный ход делам.

В салоне молодой графини
Я слышал речи про добро;

^[5] Пародия на мелкотравчатую «обличительную литературу» конца 1850-х гг., назойливо варьировавшую одни и те же мотивы. Заглавие повторяет (возможно, сознательно) название пародии К. К. Павловой (*Совр.* 1850, № 8). В «посвящении» перечислены герои «обличительных» пьес, критиковавшихся Добролюбовым: «Чиновник» (1850) В. Л. Соллогуба, «Свет не без добрых людей» (1857) и «Предубеждение» (1858) Н. М. Львова, «Надежда на будущее» (1859) Л. Пивоварова.

^[6] Е. И. Фидберг исполняла главную партию в балете Ч. Пуньи «Катарина, дочь разбойника» (Большой театр в Петербурге, сезон 1857/58 г.), поставленном балетмейстером Ж. Перро.

И вспоминал о господине,
Что делом фальшит за серебро.

Лягушку ль видел я в трясине,
В театре ль ряд прелестных лиц,
Шмеля ли зрел на георгине,
Иль офицеров вокруг девиц, —

Везде, в столице и в пустыне,
И на земле и на воде, —
Я вспоминал о господине,
Берущем взятки на суде!..

4

Чувство законности^{7}

Вот вам новый предмет обличения.
Избегал он доселе сатиры,
Но я вышел теперь из терпения
И поведаю целому миру;

От извозчиков зло и опасности,
О которых, по робости странной,
Ни один из поборников гласности
Не возвысил свой голос гуманный.

— —

Дважды в год, как известно, снимаются
Все мосты на Неве, и в то время
За реку сообщенья свершаются
Через мост Благовещенский всеми^{8}.

Тут всем ванькам законом прибавлена
За концы отдаленные плата;
Но обычная такса оставлена
Круглый год нерушимо и свято^{9}

На Васильевский остров и к Смольному.
Как же ваньки закон соблюдают?
Только гнева порыву невольному
Патриота они подвергают...

^{7} Впервые – Искра, 1859, № 8. Восстановлено по рукописи в составе цикла «Мотивы современной поэзии» в изд. 1862 г.

^{8} *Благовещенский* (затем Николаевский, ныне Лейтенанта Шмидта) мост – единственный в то время постоянный (не наплавной) мост через Неву; связывал левобережную часть Петербурга с Васильевским островом.

^{9} В 1853 г. правительством была установлена такса для легковых извозчиков в Петербурге.

Раз мне осенью в Пятую линию
Из-под Смольного ехать случилось.
Занесло меня ключьями инея,
Больше часа езда наша длилась.

По приезде я, вынув двугривенный,
Пять копеек потребовал сдачи.
Что ж мой ванька? «Да, барин, трехгривенный...
Наша такция нонче иначе...»

«Как иначе?» – «Да как же? Указано
Вдвое брать, как мосты-то снимают».
«Покажи мне, плут, где это сказано?
Где про Остров закон поминает?»

«Что мне, сударь, напрасно показывать!
Коли совести нет, так уж, видно,
Неча с вами и дела завязывать...
Только больно мне эфто обидно».

И, сказавши, хлестнул он решительно
Лошаденку и стал удаляться.
На него закричал я пронзительно,
Что он должен со мной расквитаться.

Но, услыша мое восклицание
И пятак мне отдать не желая,
Он поехал быстрее... В молчании
Я стоял, за ним мысль устремляя.

Я ограблен канальей безвестною...
Но не это меня сокрушало:
Горько было, что ложью бесчестною
Эта шельма закон искажала...

Я подумал о том, как в Британии
Уважаются свято законы^{10},
И в груди закипели рыдания,
Раздались мои громкие стоны...

Конрад Лиллиеншвагер

{10} Указания на Англию как на образец законности с легко подразумеваемым ее противопоставлением российскому самодержавно-бюрократическому и помещичьему произволу – один на излюбленных мотивов либеральной публицистики конца 1850-х гг., особенно характерный для журнала М. Н. Каткова «Русский вестник».

№ 2

Краткое объяснение

При самом первом, еще не твердом шаге своем на поприще общественной деятельности встреченный всеобщим негодованием серьезных деятелей науки и литературы, «Свисток» внезапно умолк, подобно робкому чижу, изображенному славным баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым в басне его сочинения: «Чиж и еж». Отличаясь скромностью, неразлучною с истинным достоинством, «Свисток» безропотно покорился приговору строгих судей, признавших его недостойным *настоящего времени*, когда возбуждено так много общественных вопросов^[11]. И скромность его не осталась без возмездия: он имел удовольствие видеть, как отсутствие его при второй книжке «Современника» поразило грустию чувствительные сердца читателей; он имел редкое на земле наслаждение – убедиться, что непоявление его и при третьем номере журнала повергло публику в мрачное отчаяние. Но, проникнутый гуманностию современной эпохи, «Свисток» скоро сознал, что радость о людских огорчениях противна всем нравственным законам, и вследствие того решился доставить себе наслаждение более чистое и возвышенное и притом более сообразное с естественными наклонностями его природы: он решился вновь явиться пред публикою, чтобы видеть ее непритворную радость при его появлении. Вся природа благоприятствует его намерению и, кажется, с нежною улыбкой благословляет его на деятельность. «*Шествует весна*», по выражению поэта; «*берега расторгают лед*», по выражению другого поэта; хотя «*еще в полях белеет снег*», по замечанию третьего поэта^[12]. Все творение оживает и наполняется звуками; скоро прилетят птички, будут благоухать цветы, просвещение быстрым потоком разольется по необъятной России... Кто может молчать при виде таких отрадных событий! «Свисток» ли? – Нет!..

^[11] Постоянная формула Добролюбова, пародировавшая фразеологию либерального оптимизма «эпохи великих реформ». Впервые употреблена критиком в рецензии на пьесы «Уголовное дело» и «Бедный чиновник» К. С. Дьяконова (см. наст. изд., т. 1, с. 749). Чернышевский, выписав в статье «Капитал и труд» (*Совр.*, 1860, № 1) в качестве примера зачин книги И. Горлова «Начала политической экономии» (т. 1, СПб., 1859): «В настоящее время в России поднято много важных вопросов...», – отмечал, что «этими самыми словами начинает нынче решительно каждый, что бы ни начинал писать...» (Чернышевский, VII, 6, 8).

^[12] *Шествует весна, берега расторгают лед* – измененные строки из стихотворений «Весна! Выставляется первая рама...» (1858) А. Н. Майкова и «Весенние мысли» (1848) А. А. Фета. *Еще в полях белеет снег* – первая строка стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенние воды» (1830).

Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»

(Отдавая дань природе, мы даем первое место благородной и исполненной смелых идей поэме г. Лилюеншвагера: «Четыре времени года». Этот поэт-мыслитель замечателен особенно тем, что природа со всеми своими красками для него, собственно говоря, не существует сама по себе, а лишь служит поводом к искусным приукрашиваниям и соображениям, почерпнутым из высшей жизни духа. В новейшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересует нас, насколько она служит отражением разумной, духовной жизни^[13]. С этой точки зрения должен быть признан огромный талант в г. Лилюеншвагере, который, как сам признается, «всем явлениям природы придает смысл живой», никогда не пускаясь в простое, бесплодное поэтизирование неразумных явлений мира. Поэзия его должна составить новую эпоху в нашей литературе: нельзя без особенного чувства читать стихотворения, в которых поэт при виде весны размышляет об английском судопроизводстве или, отморозивши себе нос, с отрадою предаётся историческим воспоминаниям о двенадцатом годе. До сих пор только г. Розенгейм приближался несколько к такой высоте, да еще разве гг. Майков и Бенедиктов в некоторых стихотворениях давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзию^[14]. – Прочитавши поэму г. Лилюеншвагера, читатели согласятся с нами, что к нему более чем к кому-нибудь можно приложить слова г. Дружинина (в «Библиотеке для чтения» 1859 года, № 1) о г. Майкове: «он сумел проложить себе дорогу и в мире высоких помыслов доискаться того лиризма, которым натура его не была богата».)

^[13] Так, В. П. Боткин в статье «Стихотворения А. А. Фета» (*Совр.*, 1857, № 1) писал: «В лирическом стихотворении, если оно имеет предметом изображение природы, главное заключается не в самой картине природы, а в том поэтическом ощущении, которое пробуждено в нас природою, так что здесь природа является только поводом, средством для выражения поэтического ощущения» (Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984, с. 219).

^[14] Осмеяние как официально-патриотической, так и либеральной гражданственности – постоянный мотив критики Добролюбова – содержится, в частности, и в его рецензиях на сочинения названных поэтов: «Новые стихотворения В. Бенедиктова» (1858), «Стихотворения Михаила Розенгейма» (1858; см. наст. изд., т. 1).

Четыре времени года^{15}

1

Весна

Боже! Солнце засияло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало,
И цветочки расцвели!

Жизнью, светом всюду веет,
Мысль о смерти далека,
И в душе идея зреет,
Поэтично высока!

Так законов изученье
Свет и жар нам в сердце льет
И свободное теченье
Нашей мысли придает.

Так в разумном вертограде
Правых английских судов^{16}
Расцветает, пользы ради,
Много нравственных цветов!..

Всем явлениям природы
Придавая смысл живой,
К солнцу правды и свободы
Возношусь я так весной!

2

Лето^{17}

Иду по ниве я, смотрю на спелый колос,

^{15} Как и во многих других выступлениях Добролюбова, в том числе в «Свистке», здесь высмеиваются образчики либеральной риторики по поводу «благодетельных перемен», принесенных новым царствованием.

^{16} См. примеч. 6 к предыдущему выпуску «Мотивов...» (с. 776).

^{17} Как указал позднее сам Добролюбов (Свисток, № 4, Предупреждение), стихотворение является пародией на стихотворение А. Н. Майкова «Нива», о котором критик писал (в рецензии на «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей», где оно было напечатано): «Неужели не вредно для развития эстетического вкуса чтение плохо сделанного, дидактического стихотворения г. Майкова «Нива»? Взгляд на работы поселяна на ниве пробуждает в авторе мысль о том, чтобы созрела у нас жатва просвещения... И это поэзия!..» (IV, 355). Ранее, в 1858 г. это, как и ряд других стихотворений Майкова, пародировалось Добролюбовым в стихотворении «Жизнь мировую понять я старался» (VII, 523–524).

Смотрю на дальний лес и слышу звонкий голос
Веселых поселян, занявшихся жнитвом
И живописно так склоненных над серпом...

Иду и думаю: так нравственности зерна,
Так мысли семена пусть вырастут проворно
На ниве нравственной России молодой
И просвещения дадут нам плод благой.

Пускай увидим мы, пока еще мы вживе,
На невещественной, духовной нашей ниве
Духовный хлеб любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнем все: «ура!»...

Наш демон (Будущее стихотворение)

В те дни, когда нам было ново
Значенье правды и добра
И обличительное слово
Лилось из каждого пера;
Когда Россия с умилением
Внимала звукам Щедрина^{18}
И рассуждала с увлечением.
Полезна палка иль вредна;^{19}
Когда возгласы раздавались,
Чтоб за людей считать жидов^{20},
И мужики освобождались^{21},
И вред был признан откупов;^{22}
Когда Громека с силой адской

^{18} Ирония Добролюбова относится к кратковременному успеху поверхностной «обличительной литературы», хлынувшей на страницы русской печати вслед за «Губернскими очерками» (1856–1857) М. Е. Салтыкова-Щедрина (об отношении к ним критика см. в примеч. к его статье «Губернские очерки» – наст. изд., т. 1).

^{19} Отношение Добролюбова к этому вопросу и к полемике вокруг него выражено в статьях «Литературные мелочи прошлого года» (вторая часть которой, где об этом шла речь, печаталась в том же номере «Современника») и «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами».

^{20} Так, в обширной статье «Об образовании евреев» Е. Карнович высказывался за то, чтобы «сделать просвещение общим достоянием без родовых различий», а также за «предоставление... евреям, кончившим курс в средних учебных заведениях, хотя некоторых служебных прав» (Русский педагогический вестник, 1857, т. 2, с. 30), имея в виду право поступления на государственную службу. Годом позже в «Современнике» тот же Карнович писал: «Мы твердо верим, что при разумном понимании прав каждого человека... личность еврея займет непременно среди гражданских обществ ту ступень, которая назначена каждому разумному существу...» (1858, № 6, с. 256). В том же 1858 г. Иван Кретьевич в заметке «Кое-что о евреях» предлагал «дозволить... евреям свободное переселение в пространстве всей России и дать им право свободной торговли наравне с русским купечеством», хотя и оговаривался, что о гражданских же их правах пока говорить неуместно» (Экономический указатель, 1858, № 103, вып. 51, с. 1183, 1184).

^{21} С 1857 г. началась работа Главного комитета по крестьянскому делу – подготовка к отмене крепостного права.

^{22} В «Литературных мелочах прошлого года», затрагивая этот вопрос, Добролюбов ссылаясь на статью Л. Панкратьева (Н. Г. Чернышевского) «Откупная система» (*Совр.*, 1858, № 10), где отмечалось, что «с половины нынешнего лета» откупа подверглись «тому же самому эпидемическому нападению, как взятки» (Чернышевский, V, 318–319). Такое единодушие Добролюбов объяснял тем, что самим правительством «в начале прошлого год» уже решено было падение нынешней откупной системы» (Наст. изд., т. 2, с. 91).

Все о полиции писал;^{23}
Когда в газетах Вышнеградский
Нас бескорыстьем восхищал;^{24}
Когда мы гласностью карали
Злодеев, скрыв их имена^{25},
И гордо миру возвещали,
Что мы восстали ото сна;^{26}
Когда для Руси в школе Сэя
Открылся счастья идеал^{27}
И лишь издатель «Атенея»
Искусства светоч возжигал;^{28}

В те дни, исполнен скептицизма,
Злой дух какой-то нам предстал
И новым именем *трюизма*
Святыню нашу запятнал.
Не знал он ничего святого:
Громекой не был увлечен,
Не оценил комедий Львова,^{29}
Не верил Кокореву он^{30}.

^{23} С. С. Громека поместил в «Русском вестнике» (1857, июнь, кн. 1; 1858, май, кн. 1; июль, кн. 1; октябрь, кн. 2; 1859, апрель, кн. 2) цикл темпераментно написанных статей о полиции, выдержанных в либерально-критическом духе.

^{24} В фельетоне «Русские в доблестях своих» (Свисток, № 1) было перепечатано как не нуждающееся в комментариях объявление Н. А. Вышнеградского, где, в частности, говорилось: «Начальник училищ для приходящих девиц в Санкт-Петербурге, безуспешно испытав неоднократные устные убеждения относительно бесполезности и беззаконности разного рода приношений, которые делаются просителями мест при училищах, родителями и попечителями детей как начальнику училищ, так и лицам женского пола, при них состоящим, прибегает, наконец, к печатному объявлению покорнейшей своей просьбы – ни в каком случае и ни под каким видом не обращаться ни к начальнику, ни к надзирательницам ни с какими вещественными знаками так называемой благодарности» (СПб Вед, 1858, № 281, 23 декабря). В условиях широкого похода против взяточничества, развернутого официальной и либеральной прессой, подобная демонстрация бескорыстия приобрела оттенок саморекламы. В качестве профессора педагогики Главного педагогического института Вышнеградский снискал активную неприязнь Добролюбова-студента. Негативные отзывы о нем и об издаваемом им журнале «Русский педагогический вестник» неоднократно встречаются в дневнике, письмах и статьях Добролюбова.

^{25} См. фельетон «Письмо из провинции» в том же номере «Свистка».

^{26} Одна из типичных формул тогдашнего либерального оптимизма. Например, первый номер «Русской беседы» за 1858 г. открывался стихотворением И. С. Аксакова «На 1858 год», где были такие строки: С сонных вежд стряхнув дремоту, Бодрой свежести полна. Вышла с богом на работу Пробужденная страна. Почти в тех же выражениях славил «пробуждение» М. П. Розенгейм: Благотворной теплою Обогретая страна Встрепенулась от застоя, Пробудилась от сна. («Весна» – в его сб. «Стихотворения», ч. 1. СПб., 1864, с. 191.)

^{27} Французский экономист первой четверти XIX в. Ж.-Б. Сей (Сай) представлял буржуазное общество как гармоническое взаимодействие труда, капитала и природы, отрицал неизбежность экономических кризисов и эксплуатации рабочих при капитализме, выступал за свободу торговли, чем и было обусловлено возрождение интереса к нему в предреформенной России, когда и экономической науке сложилось сильное буржуазно-либеральное направление (И. К. Бабст, В. П. Безобразов, И. В. Вернадский), представители которого не раз критиковались Добролюбовым (напр., в рецензии на «От Москвы до Лейпцига» И. Бабста – наст. изд., т. 2) и Чернышевским за идеализацию буржуазного прогресса. Главный труд Сея дважды (под разными заглавиями) издавался к этому времени в России: «Начальные основания политической экономии» (СПб., 1828) и «Катехизис политической экономии» (СПб., 1833).

^{28} «Атенея» – еженедельный (в 1859 г. – двухнедельный) «журнал критики, современной истории и литературы»; издавался в Москве в 1858–1859 гг. под редакцией Е. Ф. Корша. Хотя в журнале была помещена статья Чернышевского «Русский человек на rendezvous» (1858, № 5), в целом он носил умеренно-либеральный характер, порой, например в статье Е. Корша «Взгляд на задачи современной критики» (1858, № 1), отдавал дань теории «чистого искусства». Критическое отношение Добролюбова к «Атенею» выразилось, в частности, в фельетоне «Атенеинные стихотворения» (Искра, 1859, № 6, 6 февраля).

^{29} См. рецензию Добролюбова на «Предубеждение» Н. М. Львова (наст. изд., т. 1). Отрицательными были и отзывы И. И. Панаева в связи с постановками комедий Львова на сцене (см.: *Совр.*, 1857, № 12, с. 269; 1858, № 6, с. 222).

^{30} Нажившийся на откупам крупный промышленник В. А. Кокорев с 50-х гг. выступавший как либеральный публицист,

Не верил он экономистам,
Проценты *ростом* называл
И мефистофелевским свистом
Статьи Вернадского встречал^{31}.
Не верил он, что нужен гений,
Чтобы разумный дать ответ,
Среди серьезных наших прений —
Нужна ли грамотность иль нет...^{32}
Он хохотал, как мы решали,
Чтоб мужика не барии сек^{33}.
И как гуманно утверждали,
Что жид есть тоже человек.
Сонм благородных протестантов
Он умиленно не почтил
И даже братьев Милеантов
Своей насмешкой оскорбил^{34}.

неоднократно подвергался сатирической критике в «Свистке» (см. памфлет «Опыт отучения людей от пищи»).

^{31} В полемике со статьями проф. И. В. Вернадского, помещенными в издаваемом им журнале «Экономический указатель» (1857, № 22, 25, 27, 29), Чернышевский (*Совр.* 1857, № 9, 11; 1858, № 3) критиковал разделяемый автором тезис буржуазной политэкономии о преимуществе частной собственности на землю перед общинным землевладением. Острой критике подвергались в «Современнике» и некоторые другие буржуазно-апологетические выступления И. В. Вернадского.

^{32} В «Письме к издателю А. И. Кошелеву» (*РБ*, 1856, т. 3) и последующих статьях (*ОЗ*, 1857, № 2; *СПб Вед*, 1857, № 245, 10 ноября) В. И. Даль высказывал сомнение в пользе и своевременности грамотности для крестьян. Статьи эти вызвали многочисленные полемические отклики, в том числе в «Современнике»: Карнович Е. П. Нужно ли распространять грамотность в русском народе? (1857, № 10); его же: Ответ г. Далю на заметку «О грамотности»... (1857, № 12). Отклики Добролюбова на эту дискуссию – в «Современном обозрении» (*Совр.*, 1858, № 1), где дана библиографическая справка об основных выступлениях по данному вопросу, а затем в статье «Литературные мелочи прошлого года», где критик иронизирует над либеральной публицистикой, упивающейся «повторением новой, с таким трудом, с бою взятой истины, что от образования крестьян нельзя ждать большого вреда» (наст. изд., т. 2, с. 108).

^{33} См. примеч. 2. «Вопрос о телесном наказании... решился как-то странно. <...> Дело шло ни больше ни меньше, как о том, кому сечь – помещику или сельскому управлению» («Литературные мелочи прошлого года» – наст. изд., т. 2, с. 108). Такое предложение высказывал, в частности, К. Л. Рошачковский (*Журнал землевладельцев*, 1858, № 6, с. 53).

^{34} В «Письме из провинции» (*Свисток*, № 1) Добролюбов критически отнесся к протестам большой группы литераторов (*РБ*, 1858, № 21, 22; *СПб Вед*, 1858, № 258, 25 ноября), подписанным, наряду с видными деятелями культуры (П. В. Анненковым, К. Д. Кавелиным, Н. И. Костомаровым, Л. И. Майковым, М. П. Погодиным, И. С. Тургеневым, Н. Г. Чернышевским, Т. Г. Шевченко, М. С. Щепкиным и др.), многими малоизвестными лицами, в том числе В. и Е. Милеантами. Суть дела состояла в следующем. В редактировавшемся В. Р. Зотовым еженедельнике «Иллюстрация» (1858, № 35, 4 сентября), под рубрикой «Дневник знакомого человека» (как установлено Б. Ф. Егоровым, ее вел П. М. Шпилевский – см.: Ученые записки Тартуского университета, № 78, 1959, с. 120), появилась статья «Западно-русские жида и их современное положение (Ответ «Русскому инвалиду»)». С протестом против яро-антисемитского характера статьи выступили: Чацкин И. А. «Иллюстрация» и вопрос о расширении гражданских прав евреев (*РБ*, 1858, № 18); Горвиц М. Русские евреи. По поводу статьи о них в «Иллюстрации» (Атеней, 1858, № 42). В ответ «Иллюстрации» в статье (по-видимому, В. Р. Зотова) «Русский вестник» и вопрос о приличном тоне в журнальных отзывах» (1858, № 42, 23 октября) пыталась защищать свою линию, продолжала ее в «Западно-русских очерках» того же Шпилевского (№ 43, 44, 46, 49), а в очередных выпусках «Дневника знакомого человека», повторяя, в усиленном виде, юдофобские выпады, объявила И. А. Чацкина и М. И. Горвица «агентами знаменитого жида N, который не жалеет золота для славы своего имени» (1858, № 43, 30 октября; см. также № 44, 6 ноября). Вышеупомянутые коллективные протесты осуждали это заявление как клеветническое и превращающее печать «из органа мысли и гласности» в «презренное орудие личных оскорблений» (*СПб Вед*, № 258). Перед лицом всеобщего осуждения В. Р. Зотову пришлось лавировать и оправдываться: см. его «Письмо к редактору «Московских ведомостей» (Иллюстрация, 1858, № 47, 27 ноября), «Ответ на литературный протест» (*СПб Вед*, 1858, № 262, 29 ноября) и «Последнее слово «Русскому вестнику» о евреях» (Иллюстрация, 1858, № 49, 11 декабря). Особая позиция Добролюбова в данном вопросе определялась, во-первых, тем, что, разделяя возмущение поведением «Иллюстрации», он, однако, полагал, что «неловко и совестно» с азартом рассуждать «о негуманности людоедства или о нечестности клеветы. Одно из двух: или сам рассуждающий находится еще на такой степени нравственного развития, которая допускает возможность рассуждений и споров о подобных предметах, или он вас считает так мало развитыми, что полагает нужным внушить вам истинные понятия о людоедстве и клевете» (VII, 326). Во-вторых, его, неуклонно проводившего идею четкого политического размежевания даже внутри оппозиционного лагеря, не могло не отвращать «общее дело», базирующееся на понятиях, в принятии которых «сходятся люди всех партий и направлений: г. Кавелин с... С. Шевыревым... г. Чернышевский с Ф. Булгариным... и пр. и пр.» (VII, 333).

Не оценил он Розенгейма,
Ростопчину он осмеял^{35},
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости он клал.
Весь наш прогресс, всю нашу гласность.
Гром обличительных статей,
И публицистов наших страстность,
И даже самый «Атеней» —
Все жертвой грубого глумленья
Соделал желчный этот бес,
Бес отрицанья, бес сомненья^{36},
Бес, отвергающий прогресс.

Конрад Лиллиеншвагер

^{35} «Обличительные» мотивы ряда произведений М. П. Розенгейма и Е. П. Ростопчиной давали повод многим читателям видеть в них акты гражданской смелости. В критическом фельетоне «Стихотворения Михаила Розенгейма» (наст. изд., т. 1) Добролюбов показал сугубо «благонамеренный» смысл подобного обличительства, произрастающего «под сенью могучего трона». Салонный, светский характер творчества Ростопчиной подчеркивался в рецензиях Чернышевского на два тома ее «Стихотворений» (*Совр.*, 1856, № 3, 10) и Добролюбова на ее роман «У пристани» (*Совр.*, 1857, № 10).

^{36} Перефразировка стиха «Дух отрицанья, дух сомненья» из стихотворения Пушкина «Ангел» (1827).

Письмо из провинции

Чей шепот в душу проникает?

Кто говорит мне: «веселись!»?

Так спрашиваю я себя с некоторого времени чуть не каждый день – и вот по какому случаю.

С каждой почтой получаю я из столиц (преимущественно из Москвы) газеты и журналы, и в каждом их номере меня поражает какой-то таинственный голос, рассказывающий какую-нибудь из мелких житейских неприятностей и с видимым удовольствием прибавляющий, что «пришла наконец благодатная, радостная, желанная и т. д. пора, когда подобные неприятности можно рассказывать во всеуслышание». Под рассказом обыкновенно подписан какой-нибудь *зет* или *икс*, а чаще и ничего не подписано; местность не обозначена; к кому голос относится, неизвестно. Я долго ломал себе голову, чтобы узнать, о чем хлопочут восторженные рассказчики, и наконец остановился на предположении, которое на первый раз может вам показаться странным, но которое не лишено своей доли правдоподобия. Я полагаю, что все безыменные известия в ваших газетах сочиняет один какой-нибудь шалун, желающий подурочить вас, господ редакторов. Вы все ведь, разумеется, – народ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятиями о жизни; вам все в мире представляется необыкновенно связным, разумным, чистым и пр. В своем умозрительстве вы по неведению действительной жизни решительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне «затыкает своим колпаком все прорехи мироздания»^{37}. Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имеет некоторые права, что литератор тоже есть до некоторой степени *смертный*, что *толпа* достойна отчасти вашего внимания и пр. Мы, разумеется, тотчас же заметили начало вашего обращения и дружно рукоплескали благому начинанию. Но для вашей же пользы позвольте нам иногда сообщать свои замечания о некоторых *странностях*, нередко проявляющихся в ваших суждениях о действительной жизни, с которою вы начинаете знакомиться. На этот раз я намерен сообщить вам несколько практических замечаний о тех голосах, которые теперь так часто раздаются в журналах и газетах. Имея о русской жизни и русском обществе понятие, как видно, самое неопределенное, вы постоянно приходите в изумление, поднимаете шум и начинаете горячиться из-за таких вещей, к которым мы все давно уже привыкли и которые вообще не принадлежат к числу явлений чрезвычайных. Вам, например, скажут, что кто-то и где-то взятку взял; вы сейчас думаете: «ужасное, чудовищное, сверхъестественное событие! надо о нем объявить во всеобщее сведение!» – и немедленно печатаете, что вот, дескать, какое событие произошло: один чиновник с одного просителя взятку взял! – Услышите вы где-нибудь, что цыган лошадь украл; поднимается шум, пишутся грозные обличения на неизвестного цыгана, укравшего лошадь. Пришлет вам кто-нибудь известие о том, что один сапожник плохо сапоги шьет; вы сейчас же и тиснете известие о сапожнике с видимым удовольствием, что можете сообщить такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновник, взявший взятку, цыган-конокрад и плохой сапожник – такие редкие исключения в России, что на них будут все сбегаться смотреть, как на г-жу Пастрану^{38}. Но смею вас уверить, что вы ошибаетесь, просвещенные литераторы и журналисты! Я, конечно, не могу еще назваться человеком старым, не могу похвалиться и тем, чтобы я видал слишком много; но все же я, должно быть, опытнее вас, и потому вы мне можете верить. И я вам скажу, что у нас, собственно говоря, – что ни цыган, то и конокрад; что ни сапож-

^{37} Неточная цитата из стихотворения Г. Гейне «Фрагментарность вселенной мне что-то не нравится» (из цикла «Опять на родине», 1826).

^{38} *Юлия Пастрана* – «бородатая женщина», мексиканка, гастролировавшая в России в 1850-х гг.

ная вывеска, то и плохой сапожник; что ни присутственное место, то и чиновников такая толпа, в которой никого не распознаешь по тому признаку, что один берет взятки, а другой нет... Это верно; спросите кого хотите, если мне не верите. Мы, читатели, даже удивляемся все, как *вы* этого до сих пор не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкам изучали; да неужели же нет таких книжек, в которых бы это было рассказано как следует? Знаете что: нам кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы как будто читаете только *текущую литературу*, то есть свои журналы. Этим только и можно объяснить азарт, с которым вы кидаетесь на всякое известие о взятке, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тут у вас в журналах действительно было время, когда ни о чем подобном не писалось; но «*не писалось*» не значит, что *и не делалось* и не расходилось в публике. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись по-прежнему, и мы о них знали очень хорошо, так что для нас они вовсе не были новостью, когда вы внезапно закричали о них в своих журналах. А вот вы-то сами как будто и действительно новость узнали: так вы погружены были в свои журналы, так пропитались их розовым запахом и так отвлеклись от всего живого!.. Мы вас и не винили в начале-то, думая, что вы, как люди умные, тотчас же оглядитесь вокруг себя, смекнете, в чем дело, да потом еще и нас поучите, куда нам идти и что делать. Но, видно, знание жизни дается не так легко, как изучение какого-нибудь немецкого курса эстетики! Вы как стали на одной точке, так и не двигаетесь с нее... А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назад вы стали печатать обличительные повести; в некоторых из них был талант, в других просто рассказывались любопытные факты. И те и другие были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно, потому, что публика признала действительность фактов, сообщаемых в повестях, и читала их не как вымышленные повести, а как рассказы об истинных происшествиях. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тех, которые скрывались под псевдонимами в повестях. И нужно признаться, что первые ваши обличительные повести давали читателю возможность отыскивать обличаемых. У г. Щедрина описан, например, Порфирий Петрович: я знал двоих Порфирьев Петровичей, и весь город у нас знал их; есть у него городничий Фейер: и Фейеров видал я несколько...^{39} Разумеется, еще чаще видали мы Чичиковых, Хлестаковых, Сквозников-Дмухановских, Держиморд и пр. Но об этом я уж и не говорю. У Гоголя такая уж сила таланта была, что до сих пор, куда ни обернешься, так все и кажется, что перед тобой стоит или Чичиков, или Хлестаков, а если ни тот, ни другой, то, уж наверно, Земляника... В этом отношении, я должен признаться, большая часть *щедринских* рассказов составляет шаг назад от Гоголя. Но все-таки они не так далеко от него убежали, как нынешние рассказы, беспрерывно печатаемые в газетах. По рассказу Щедрина я еще мог узнавать обличаемых, хотя не в той степени, как по рассказу Гоголя; но теперешние повести (которые вы почему-то называете *гласностью!*) совершенно лишают меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мне годится, например, такое обличение:

Одному моему знакомому случилось заказать себе сапоги из петербургского товара здешнему цеховому сапожнику. *Что же оказалось?* Он, желая выдать поставленный им товар за петербургский, сам вывел клеймо фабриканта на коже чернилами, и довольно искусно, так что с первого раза трудно догадаться о подделке. Но сапоги недели через две *перелопались*, фальш оказался несомненным, тем очевиднее, что на петербургской коже клеймо фабриканта печатное (см. «Русский дневник», 1859, № 22)^{40}.

Известие это прислано в «Русский дневник» из Нижнего Новгорода, с подписью: «*Корреспондент*». Я сам, как вам известно, обитатель Нижнего и потому легче другого мог бы сообра-

^{39} Персонажи «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Порфирий Петрович», «Второй рассказ подьячего»).

^{40} Выдержка из газеты «Русский дневник» (1859, № 22, 28 января) приведена с незначительными изменениями.

зять, кто тут обличается; но хоть убейте меня, я до сих пор никак не могу указать вам гнусного сапожника, о котором извещает *Корреспондент*. Если бы он подписал хоть свою собственную фамилию, то до сапожника уж мы бы добрались как-нибудь: узнали бы, кто у Корреспондента знакомые, потом справились бы, какие сапожники шьют на них сапоги, и таким образом понемножку добились бы сведений, по крайней мере вероятных, если не совершенно непогрешимых. Но обличитель скрыл даже и свою фамилию и тем лишил нас всякой возможности напасть хоть на след негодного сапожника. Если бы он представил типические особенности сапожника, как делалось прежде, в щедринских рассказах, тогда была бы польза: можно бы узнать по указанным признакам почти всякого надувалу-сапожника. Но *Корреспондент* говорит просто: «одному цеховому сапожнику» – как тут искать его? И какую пользу для общества может принести сведение, что один сапожник дурной товар на сапоги ставит? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знают о существовании таких сапожников, то вы очень ошибаетесь. Всякий из читателей подивится только, каким образом *вы* могли этого не знать. Разве не оттого ли ваше незнание, что вы постоянно *котурн* надеваете и не имеете понятия о сапогах? Но ведь мы все думали, что вы в котурне-то являетесь перед нами только печатным образом; а как же вы по улицам-то ходите? Разве тоже в котурне? Впрочем, действительно в котурне, нечего и спрашивать: это по сочинениям вашим видно. Ну в чем же иначе может ходить, например, г. Жемчужников, напечатавший в 1 № «Московских ведомостей» нынешнего года статейку «Еще придирка»^{41}. Статейка написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

Некто (кто?) приезжает в *некоторый* (какой?) город и отправляется в гостиницу (какую?), куда приказывает и своему слуге (как его зовут?) явиться с чемоданами. Слуга нанимает извозчика (имя? номер?) и едет... С ним встречаются блюстители порядка и общественной безопасности – *все равно*: казаки ли они или какие-либо другие полицейские служители (далеко не все равно для гласности!). Едущий слуга почему-то им кажется человеком подозрительным. Они его останавливают и спрашивают: кто он и куда едет? Он отвечает им, что он такой-то, и называет гостиницу, куда ему приказано ехать. Блюстители замечают, что он едет не в ту сторону, где находится гостиница, и еще более утверждают в своем мнении, что он человек подозрительный; вследствие чего они его задерживают и представляют в полицию. Слуга ехал действительно не в ту сторону, где гостиница; извозчик, вероятно, не знал дороги или не понял, куда везти. Что же делает полиция с задержанным человеком? Она (кто же, однако, эта она?) спрашивает его; кто он и куда ехал? Он отвечает, что он такой-то; называет гостиницу, куда приказано ему ехать; объясняет, что сам он дороги не знает, будучи в городе в первый раз; немедленно предьявляет свой вид; называет лицо, у которого находится в услужении, и просит проводника для сопровождения его в гостиницу и для удостоверения в истине своего показания. Но полицейский чиновник (как его имя?) не соглашается на это предложение и принимает следующую мору, чтобы убедиться в достоверности слов слуги и в подлинности предьявленного им вида: он открывает чемоданы и осматривает находящиеся в них вещи. Обревисовав таким образом и белье, и платье, и все, что было там спрятано и заперто именно с тою целью, чтобы никто не смел ни до чего касаться без разрешения или приказания хозяина, и продержав слугу в полиции два часа,

^{41} Алексей Жемчужников. Еще придирка (*МВед*, 1859, № 1, 1 января).

чиновник наконец соглашается на его первоначальную просьбу и отправляет его в гостиницу с проводником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания